

Константинополь и не переписывается с ним, а поглощен всецело музой Афин, то Пселл, вероятно, тут подразумевал занятия аттической литературой вообще.

Тогдашнему главе византийских философов и приверженцу Платона может быть поставлено в заслугу, что, несмотря на все педантство школьной мудрости эпохи, он не только открывает свое сердце терпевшим обиды грекам, но взирает на Грецию с живейшим интересом из-за ее забытой древности. Пселл просит как-то императорских чиновников в Элладе о высылке ему оттуда скульптурных произведений. Если в самом деле под «agalмата» должно разуметь статуи, то, значит же, были в Элладе и такие, которые еще не были погребены под обломками. То же наблюдалось в других местностях Греции. Современник Пселла тауматург Христул нашел на Патмосе «художественную» статую богини Артемиды, которую затем сам же и низверг. Пселл самолично занимался исследованием наименований древних афинских судилищ и пытался разъяснять греческую топографию своим ученикам и сожителям. Свое описание Аттики он, правда, основывал единственно на Страбоне и Павсании; поэтому им приводятся лишь древние наименования местностей вроде Суниона, Марафона, Трикорита, Рамна, Кефиссии, Сфетта, Декелеи или же гор вроде Гимета, Ликабетта, Парнаса и Коридавла, но нигде не отмечаются вновь образовавшиеся употребительные местные прозвища. Относительно Афин Пселл ограничивается кратким перечислением старинных построек и однажды замечает: здесь находятся следы старой академии, а там — новой: «Все дышит дуновением муз и граций, ибо даже развалины города представляют большую ценность, нежели иные (цельные) неразрушенные города». Не может быть сомнения в том, что Пселл собственными глазами видел Афины.

Живая симпатия Пселла к Афинам легко объясняется аттическим его образованием, ибо догадка, будто сам он был уроженцем Аттики, на фактические доказательства не опирается. Он пишет сам неизвестному вельможе, что его родина находится